

Константин СИМОНОВ

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

БЕЗ ЗАГЛАВИА

КОГДА, проездив месяц по Дальнему Востоку, я вернулся в Москву и в разговоре с друзьями стал перечислять места, в которых мне хотя бы на короткое довелось побывать. Это перечисление мне самому показалось довольно внушительным: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Уссурийск, Владивосток, Находка, Магадан, Талая, Анадырь, Камчатка...

Очевидно, в моих словах проскользнул оттенок наивной гордости: вот, дескать, сколько я успел покататься на Дальнем Востоке! Один из моих друзей, несомненно лучше меня знавший Дальний Восток, вдруг спросил: — А на Сахалине ты был?

— Нет.

— А в Чугуевке, на родине Фадеева?

— Нет.

— А в Посьете? А в Благовещенске? А на Сучане? А на Курилах? А на Командорах? А в Уэльене? А на острове Врангеля?

Я уже почувствовал дружеское лукавство спрашивающего, но, ничего не поделаешь, пришлось однообразно отвечать: нет, не был, не успел, хотел, но не смог...

Словом, выяснилось, что я, с одной стороны, вроде бы и побывал на Дальнем Востоке, а с другой стороны, вроде еще и не был там. И в этом не было противоречия. Просто-напросто наш Дальний Восток, вместе с нашим Северо-Востоком — это целый континент, край непомерных расстояний и необъятных возможностей.

Когда я привел в порядок сделанные в дороге записи и перепечатал их на машинке, получилось почти 200 страниц — целая книжка, хотя на самом деле это, конечно, никакая не книжка, а просто самые первые, разбросанные впечатления человека, пораженного масштабами и красотой увиденного. Для того, чтобы написать книгу о Дальнем Востоке, надо или жить там, или, по крайней мере, много лет подряд ездить туда, год за годом. Но человеку не дано успеть всего, хотя и сейчас, на шестом десятке, по-прежнему хочется думать, что ты еще все успеешь...

Может быть, я когда-нибудь еще напишу книжку о Дальнем Востоке, а пока мне остается только признаться в любви с первого взгляда к этому краю, где с особенной остротой вспоминаешь о молодости. Не только потому, что именно в этом краю встречаешь особенно много молодых лиц, но и потому, что это такой край, где хочется начинать жизнь, куда хочется приехать двадцатилетним. Приехать и приложить к нему руки и прожить в нем жизнь и где-нибудь лет через тридцать, в пору зрелости, оглянуться на прошедшее тридцатилетие и увидеть, что было и что стало.

Итак, не книжка и даже не серия очерков, а просто некоторые мысли и чувства, привезенные в Москву оттуда, с Дальнего Востока...

ЗА ЭТУ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ...

«ЗА ЭТУ русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому». Эти слова принадлежат Сергею Лазо. Теперь они стали надписью на его памятнике.

Сергей Лазо, молдаванин по происхождению, солдат революции по профессии, отдавший жизнь за свободу советского Приморья, сожженный в паровозной топке японцами, стоит сейчас на этой русской земле, молодой и бронзовый, в молодом и зеленом сквере, посреди города, о котором Ленин сказал: Владивосток далеко, но город-то нашенький.

На 26-м километре шоссе Владивосток — Находка стоит пахнущая морем высокая ростральная колонна, обозначающая въезд в город. Она воздвигнута здесь к столетию Владивостока. На постаменте колонны слова Ленина о Владивостоке. Рядом — бронзовая фигура матроса, охраняющего эту морскую твердыню страны, а наверху колонны — легкий, из кованого черного чугуна силуэт военного транспорта «Манчжур», первым вошедшего в некогда пустынную бухту, где ныне стоит Владивосток.

Железная дорога идет вдоль океана, мимо пригородных санаториев и домов отдыха. При

дороге, среди цветущих абрикосов, на железном столбе табличка: «9.269 километров от Москвы». Да, действительно, далеко...

ГЕОГРАФИЯ ЛЮДЕЙ

ДАЛЬНИЙ Восток — это земля, море, небо, но прежде всего — люди.

Люди, уходящие в океан на траулерах и теплоходах из бухт, заливов и гаваней, открытых, описанных и нанесенных на карты их предками.

Люди, по древним следам русских землепроходцев продолжающие исследовать и вызывать к жизни самые далекие, самые необжитые и грудные уголки этой огромной земли.

Люди, ежедневно и ежечасно бороздящие воздух Дальнего Востока и Северо-Востока во всех мыслимых направлениях, на всех видах современных машин от «ТУ-114» до «АН-8».

Откуда они, эти люди, сделавшие Дальний Восток таким, каким он стал сейчас?

Многие из них коренные дальневосточники, родившиеся и выросшие на этой земле, похоронившие в ней своих отцов, дедов и прадедов.

Нв, а другие, все остальные, откуда они? Из каких краев? Какова география их детства и юности? Откуда они приехали, приплыли, прилетели, чтобы стать здесь новыми дальневосточниками?

Где бы я ни был, я всегда спрашивал их об этом. Вот некоторые ответы, некоторые частности, дающие известное представление о целом, о ходе общего процесса.

Оленеводческий совхоз Кончаланский — час вертолетом от Анадыря. Директор совхоза Петр Давыдович Маслик, родом из Прилук, с Украины, экономист. До войны работал на Севере — на Ямале. Потом минотетчик — «война — от гудка до гудка». С 1946 года — Дальний Восток, Камчатка, Чукотка. Говорит о себе: «Почему я на Север попал? Это все челябинская эпопея наделала!». Четверо дочерей, родившихся здесь: одна камчатская, трое чукотских. Старшая, камчатская, уже учится здесь же в мединституте.

Председатель рабочкома — Георгий Кондратьевич Трофименко, ровесник Челюскинской эпопеи, зоотехник, здесь восьмой год. Родом из Белоруссии, из Орши.

Командир вертолета — Василий Федорович Кемлык, родом из Днепрпетровска, здесь сельмой год. До этого работал в Калуге.

Врач — бортхирург — Валентина Васильевна Заводчикова. Летает здесь четвертый год, до этого жила в Баку и там родилась.

Самолет «ИЛ-14», рейсовый, грузовой. Летит из Анадыря. Командир экипажа Глеб Иванович Гаврилица, молдаванин. Летает здесь десятый год. До этого работал в Ашхабаде. Родился в Кишиневе.

Бортрадист Николай Александрович Лукашевич, родился в Лозовой на Украине, летает здесь 13-й год.

Бортмеханик — Геннадий Ефимович Корпачев, родился в Куйбышеве, служил в армии на Украине. Десять лет назад, после демобилизации — сюда, на Чукотку.

Магадан. Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения Академии наук. Директор института — Николай Алексеевич Шило. Родился в Пятигорске. Окончил Горный институт в Ленинграде и сразу, на первую работу — сюда. 30 лет безотлучно здесь. Здесь стал кандидатом, доктором, членом-корреспондентом. Когда приехал — Магадана еще не было, жил в палатке, на том самом месте, где теперь стоит их институт.

Станция слежения за Солнцем в уссурийской тайге.

Начальник станции — Владимир Федорович Чистяков. Был офицером-зенитчиком, работает здесь после увольнения из армии, родом с Украины.

Ксения Григорьевна Чистякова, его жена, — научный сотрудник. Родом из Белоруссии, с реки Сож, из тех самых мест, где мне довелось бывать во время войны, осенью сорок третьего года.

Сергей Попов — лаборант, по национальности звенк, приехал работать сюда из Якутии.

Камчатка БМРТ — большой морской рыболовный траулер. «Браслав». Капитан-директор Николай Владимирович Сотников, родом из Магнитогорска, кончал здешнее Камчатское мореходное училище.

В каюте капитана собрался весь командный состав корабля.

Дальневосточные заметки

Спрашиваю одного за другим: откуда?

Старший помощник — украинец из Херсона. Траловый мастер — латыш из-под Риги.

Ессентуки, Ленинград, Орел, Брянск, Новороссийск...

Да, поистине, Дальний Восток — дело всесоюзное...

ГОРОД ВСТАЕТ НА ОДНО КОЛЕНО...

КАЖДАЯ традиция, и самая древняя, и самая молодая, имеет дату своего рождения.

Эта владивостокская традиция — молодая. Она родилась всего два года назад, 9 мая 1965 года, в день двадцатилетия Победы.

9 мая этого года Владивосток в третий раз собрался для того, чтобы отметить День Победы и вспомнить людей, павших в боях за Родину.

Я сказал: Владивосток собрался! — и это не метафора. Вот как это выглядело:

Сзади, за спиной, бухта и корабли — военные и гражданские, торговые и рыболовные, стоящие на якорах и у причалов. Впереди, перед глазами, площадь. А дальше, за ней, поднимающийся амфитеатром город, лучами расходящиеся вверх улицы Владивостока, полные народом.

На площади, перед небольшой трибуной, построены квадратами сводные роты моряков, пограничников и сводный отряд офицеров — ветеранов Великой Отечественной войны.

Сводные роты являют привычное глазу строгое единообразие форм: черные ленточки бескозырок, зеленые фуражки пограничников.

Сводный отряд ветеранов выглядит непривычно. Среди морских фуражек — шляпы и кепки, среди морских кителей — штатские пиджаки. В сводном отряде стоят рядом и те, кто служат по сей день, и те, кто отслужили свое и ушли на «гражданку», на пенсию...

В этом непривычном на первый взгляд строю есть что-то глубоко значительное и справедливое. В нем стоят рядом и те, что продолжают командовать и сейчас, и те, что уже перестали командовать, но в свое время входили во главе своих частей в Берлин и Кенигсберг, в Варшаву и Прагу, в Мукден и Порт-Артур...

Глядишь на этот сомкнутый военно-штатский строй и невольно думаешь о том, сколько их повсюду, во всех уголках страны, этих людей в штатском, в пиджаках и ватниках, в комбинезонах и полушубках, в мостовых пальто и в летних рубашках навыпуск, бывших командиров и комбатов, подводников и артиллеристов, саперов и летчиков, отдавших свою молодость войне и вернувшихся в гражданским делом, навсегда, безотказно, на черный час оставаясь в запасе у Родины.

На митинге перед микрофоном берут короткое слово партийные работники, комсомольцы, рабочие. Затем речь командующего флотом и рапорт о том, что сводные части построены.

Солдаты и матросы, стоящие в строю сводных рот, называют имена тех, кого сейчас нет рядом с ними в строю, но кто за свои подвиги навечно занесен в списки частей.

Имя... Подвиг... Место и дата... Днепр... Подмосковье... Кавказ... Ленинград... Берлин... Курилы...

Каждое слово доносится по ра-

дио до самых отдаленных уголков города.

После этого к трибуне подходит командир отряда ветеранов. «Сводный отряд ветеранов Великой Отечественной войны построен. В строю присутствуют все, за исключением отдавших свою жизнь за честь, свободу и независимость Родины».

Вслед за ним с докладами подходят командиры первой, второй, третьей, сводных рот.

...Присутствуют все, за исключением отдавших свою жизнь...

...все, за исключением отдавших свою жизнь...

...все, за исключением отдавших свою жизнь... — повторяясь, разносится по городу.

А когда выносят боевые знамена и контр-адмирал, командующий парадом, встав на одно колено, целует знамя — вслед за ним на одно колено встают все.

Все на трибуне.

Все в строю сводных частей.

Все на площади.

Все в городе.

Все, на всех его улицах, там, где их застало это мгновение.

Прохождение сводных отрядов и рот. Гимн Советского Союза.

Весь город снова обнажает головы. Митинг закончен.

Так продолжается эта, возникшая два года назад во Владивостоке, традиция.

Сила традиций не только в их духовном единстве, но и в их особости. Здесь, во Владивостоке, традиция отмечать День Победы сложилась именно так, а не иначе. В этом ее особость.

Пусть так оно и будет всегда! А в Уссурийске возникает другая, своя традиция. Там, на окраине города, на территории Уссурийского военного автомобильного училища, стоит старый памятник героям гражданской войны.

Приехав туда на следующее утро после Дня Победы, я увидел вокруг памятника огромные гирлянды цветов. Вечера во время митинга и демонстрации молодежи Уссурийская пронесла эти гирлянды через весь город и положила их здесь, в конце пути.

И еще одна традиция, тоже родившаяся в последние годы: неподалеку от Уссурийска, возле маленького таежного села, стоит скромный памятник на могиле отважного юноши Виталия Бонивура, восемнадцати лет от роду погибшего здесь от руки японских оккупантов. У памятника венки, цветы — скромные дары приезжающих и приходящих сюда школьников — комсомольцев и пионеров.

Но, кроме этих венков и цветов, сложилась традиция оставлять здесь у памятника записки, адресованные погибшему Бонивуру. Их много здесь, этих записок, — и совсем коротких, и подлиннее, написанных разными, и совсем детскими, и более твердыми, уже начинающими устлавливаться, почерками...

Вот одна из них:

«Виталию Бонивуру. 30 марта 1967 года. У памятника Виталию коллектив 8-го класса Покровской школы. Мы хотим принадлежать к лагерю Бонивура. Для этого жить так, чтобы совесть перед людьми и перед собой всегда оставалась чистой. Обдумывать каждый свой шаг самому. Всегда помнить о дружбе, о великой дружбе между честными людьми. Быть верными этой дружбе. Труд. Честь. Дружба. Комсомольцы...» Следуют подписи. Много подписей. Мальчиков и девочек, 15- и 16-летних людей, тех, о которых мы обязаны думать, когда произносим слово «будущее».

Так возникают традиции...

...Вслед за контр-адмиралом на одно колено встают все.

Фото Е. Халдея